

«ФОНОГРАФ»

ВЕРНИКА КОВАЛЬ

КРАСНЫЙ КОНВЕРТ рассказ

Основательное двухэтажное строение было – единственное в округе – срублено из дерева, что вызвало зависть у владельцев мазанок. И ещё один плюс: удачное расположение – в километре от развилки двух дорог. Одна в город, другая в большое село. Но, ограждённый от них, словно ширмой, полосой обросшей кустами лесопосадки, дом находился вроде возле цивилизации, но на отшибе.

В то благоуханное июньское утро мимо дачников проскользнули к дому несколько автомобилей. Они припарковались возле дощатого забора. Здесь на уик-энд собирались друзья, которые когда-то занимались в детской театральной студии «Артошка». Их сплотила тогда общая страсть к лицедейству. Трепет маленьких сердец при выходе на сцену, чаепития с пряниками после премьер, вылазки в соседние города «на гастроли» запечатлелась в их памяти на всю жизнь под ником «счастливое детство». Бывшие «артошки» – всем уже по тридцать или плюс-минус – создали группу в соцсетях, активно общались и даже собирались по случаю дней рождения и юбилеев. А сегодня Рудик пригласил друзей в своё дворянское гнездо «на сюрприз», чем, конечно, создал интригу.

Рудик, режиссёр театра и ТВ, высокий, гибкий, слегка сутулился, словно стеснялся быть выше других. У него было типичное лицо интеллигента. Глаза спрятаны за стёклами очков, но наверняка они умны, а взгляд пронизателен. В уголках рта таится лёгкая ирония. Рудик уже в студии проявил способности организовать действие и пространство. Был он на вторых ролях, тем не менее, ни один маленький артист не стал профессионалом, и только он не изменил Мельпомене.

Первым нырнула в лесок и через несколько минут припарковалась чёрная Toyota. Приезжий миновал распахнутую калитку. Про себя отметил, что участок перед домом отнюдь не походил на ухоженную усадьбу. По всему, у хозяина иные жизненные приоритеты. Гость направился к выщербленному крыльцу с деревянными баясинами. Рудик встретил его с распростёртыми объятиями:

– Мишаня, дорогой, я рад, что ты вырвался. Как дышит твоё издательство? Судя по твоей тачке, всё в шоколаде?

– Пока на плаву. Не перевелись ещё желающие осчастливить мир своими текстами.

В студии Миша имел амплуа комика, смешил всех, сочинял капустники. С годами его простецкий юмор трансформировался в тонкое остроумие, коим любил пощеголять, шуря искристые глазки и теребя аккуратную бородку. Частенько он заливал в фейсбук свои иронические «мишастики».

Вероника Анатольевна Коваль (1939-2023) – прозаик, искусствовед, журналист, автор и ведущая просветительских программ. Член Южнорусского Союза Писателей (2012), Национального союза журналистов Украины, Союза театральных деятелей (СТД). Родилась в 1938 году. Окончила Ленинградский государственный университет и аспирантуру МГУ по специальности «журналистика». Рассказы, статьи, очерки опубликованы в периодических изданиях – альманахах «Меценат и Мир», «Дерибасовская – Ришельевская», «Соть», «Палисадник», журналах «Южное Сияние», «Гостиния» и т.д. Лауреат литературной премии им. К.Г. Паустовского. Автор более чем 20 книг художественной («Последний выстрел Купидона», «Час Птицы», «Ближе к небесам», «Во всём виновата Мураски», «Я притворилась кошкой», «Предчувствие» и др.) и документальной прозы («История одной жизни», «Мы родом из войны», «О клубной жизни и о себе», «Твори – и дарю», «Двойничество», «Негасимый свет таланта» и др.).

Гость загремел сумкой с бутылками, имитируя перезвон колоколов. Он приехал в цивильном костюме, и выглядел так, будто его самого только что отгладили. Рудик ему объяснил, что ему нужно к понедельнику прочитать рукопись какого-то важного для престижа издательства автора.

Следом и вторая машина подкатила. Осторожно выбирающаяся из неё дама могла бы стать примой любого провинциального театра. Про неё хотелось говорить высоким штилем – «волоокая нимфа». Зная себе цену, она держалась степенно, ходила и говорила с ленцой. Она уже сходила замуж, развелась. Сегодня привезла нового претендента на свою руку – о сердце помолчим. Величали красавицу Светланой, но в этом кругу она была Гердой: так пристало к ней имя девочки из спектакля «Снежная королева», где она вызывала у зрителей слёзы умиления.

Плечистый парень в очень уж фирменном спортивном костюме, первым делом представился Рудик: – Вячеслав, топ-менеджер фирмы «Орион».

В этой фразе явно читалось желание дать понять друзьям Светланы, что он соответствует стандартам претендентов на роскошную женщину. Но чёлка на лоб и нос аккуратной картошечкой выдавали в нём селянское происхождение, что тут же было не без ехидства отмечено Рудиком.

– О, знаю, вы монополисты на компьютерном рынке, – нарочито уважительно произнёс Рудик, блеснув очками. – Милости просим в наши пенаты.

Представившись, Славик бросился помогать копавшейся в багажнике Марине. Та, покрикивая на всех, вытаскивала снедь в горшочках, кулёчках и закоптелом казане. Худенькая, вёрткая, в мелких кудельках, она распространяла беспокойство и нервозность. Это Герда упростила кавалера захватить Марину, хотя он жаждал быть наедине с избранницей:

– Понимаешь, Славичек, она не наша, но её муж Степан в нашей студии был актёром номер один. У них был ранний брак, родилась двойня. Это помешало ему получить театральное образование, хотя он был талантище от бога. Два года назад Степан нелепо погиб. В память о нём мы Маринке и помогаем, чем можем.

– Где кухня? – спросила Марина, таща казан и пытаясь ногой открыть тяжёлую дверь дома.

– Не пыжься, – остановил её Рудик. – Соберутся все, тогда я устрою экскурсию. В доме есть что посмотреть.

Пока всё стали выгружать на стол и на затенённую скамейку под кустом жимолости.

Вдали пропела электричка, и Рудик сообщил, что скоро нагрянут «безлошадные». И точно. В калитку еле протиснулся из-за раздутого рюкзака с притороченной гитарой мужчина с плотным телом спортсмена и лицом чернокудрого романтика. Видимо, ему все симпатизировали, потому что бросились навстречу, освободили от поклажи и дали испить водички. Богдан, он же Кай в «Снежной королеве», и в детстве становился душой любой компании. Исходило от него нечто тёплое, а люди любят греться у чужого огня. Именно с ним у Герды была любовь не понарошку, но хватило её всего на два годочка.

– Привет, артошки! – салютовал Богдан. – Ну и теснотища была в вагоне! Справа от меня бабка с кошёлкой свежих окуней, слева – не дама, а реклама парфюмерного магазина. Амбре, скажу я вам!

Его мощный баритон оживил компанию, которой было уже невмоготу глотать слюнки при виде роскошного натюрморта на столе – словно с картины малых голландцев.

Рудик перебил Богдана, вызванивал кого-то:

– Вы таки умудрились повернуть направо, хотя сто раз говорено было: «От развилки налево»!

Минут через пятнадцать опоздавшие прибыли.

– Рудик, что это за бильярдный шар вкатился? – в ужасе шепнул Мишпаня.

– Не узнал? Это же Лёвушка.

– Поперёк себя толще – чахлаый Лёвушка?

– Давненько ты его не видел!

– Да, со студии. Помню, он любил театр беззаветно, хотя играл «кушать подано». А супружница его – чудо в перьях!

Никто из друзей не знал, чем занимается Лев. Когда спрашивали, где он трудится, он отвечал: «Да так...» – и уводил разговор в сторону. Его экстравагантная супруга Нелли, вся какая-то острая, ломучая, в боевом раскрасе, не хотела мириться с определением «бывшая гимнастка» и всячески доказывала, что могла бы выступать в юношеской сборной. Вот и сейчас она попыталась поразить публику, вместо приветствия забросив ногу с оттянутым носком выше головы, но под тяжёлым взглядом мужа застыла, как курица под гипнозом.

Начались общие приветлики-ответлики, целовашки-обнимашки.

– Ну что ж, все в сборе, – Рудик широким жестом собрал компанию вокруг стола. – Я как хозяин предлагаю следующее: перекус, без фанатизма, рюмка-другая – не более, чтобы мыслить трезво, потом я провожу экскурсию по дому.

– Стоит ли тратить время? Я на природу приехал! – запротестовал Богдан.

– А я сгораю от нетерпения, – перебила его Марина. – Рудик, наверное, что-то интересное прячет.

– Советую пойти. Уверю, это будет полезно всем, – Рудик был настойчив.

– Да ладно, давайте уже по рюмашке, а то есть зверски охота, – капризно протянул Мишаня.

И народ кинулся дегустировать домашние заготовки и магазинные сыр-колбасу.

Вот уже и потянулась нить разговора, цепляясь за парящие в общественной атмосфере темы.

К чести компании, проскальзывал только сленг, но не мат, считающийся ныне чуть не атрибутом интеллигента. Видимо, руководитель «Артошки» сумел вложить в питомцев органическое отвращение к словесной грязи и, возможно, к ценностям высокого порядка.

Никто не заметил, как возле Рудика возник парень с видеокамерой. Чёрная футболка, джинсы, спортивная кепка с длинным козырьком... Он был такой никакой, что взгляды скользнули мимо него. Он с аппетитом уплетал многоэтажный бургер.

– Да, – спохватился Рудик, – это Серёжа. Он учится на курсах телеоператоров. Ему надо сделать выпускную работу, так что он слегка снимает. Думаю, вы не против. Ты, Сережа, и для нас что-то сотворишь?

– Не вопрос, – пробурчал парень, и все про него забыли.

Рудик торжественно отворил резную дверь, и на приезжих пахнуло, если можно так сказать, холодом величия. Да, он был не из тех сельских домов, где тканые дорожки, занавески в цветочек, стол под белой скатертью создают комфорт и успокаивают душу. Напротив, дом вызывал робость и некое оцепенение высотой, бревенчатыми стенами со старой пенькой в пазах, отсутствием мебели, гулким эхом.

На левой половине располагалась мастерская с верстаком, дощатым настилом. Валялась древесная стружка, громоздились заготовки.

– Дед изготавливал деревянных кукол, – Рудик вытащил из груды заготовок гладкое бесполое тулово без головы и одной ноги. Теперь можно было разглядеть немало торчащих из кучи кукольных ног и рук, недоделанных медведей, обезьянок. На полке шеренгой выстроились безликие головы-близнецы с пустыми глазницами. Их непрорезанные губы, казалось, прятали страшные тайны.

– Мне не по себе, – прошептала Герда и прижалась к спутнику.

– Я тоже чувствую себя, как в морге, – ответил тот. – Давай слиняем.

– Нет, я хочу весь дом осмотреть!

Рудик быстренько вывел гостей из ступора:

– Дед торговал своими игрушками на ярмарках. Отец велел ничего не трогать, сам делал здесь модели кораблей. Я их подарил детскому центру. Мы с мамой сюда никогда не заходили.

Он повёл друзей на другую половину, которая имела вполне жилой вид. Были даже кресла в плюшевых накидках, овальный обеденный стол и резной столик с шахматной доской.

– На втором этаже – четыре спальни и две туалетные комнаты. Кто хочет, поднимитесь взглянуть и выбрать ночное лежбище.

Никто желания не выразил. Всем хотелось вырваться из холодных объятий дома в жаркие объятия залитого солнцем дня.

– Не спешите, – с настораживающей интонацией произнёс хозяин. – Я имею сообщить вам нечто важное.

Рудик нарочито торжественно сел во главе стола. Остальные нехотя расселись, где придётся.

– Господа, – начал Рудик, – объявляю: я отбываю на ПМЖ в Германию. Знаете ли вы, что наш род – из обрусевших немцев? Так вот, разыграла во мне немецкая кровь. Потянуло на историческую родину. А, отбросив сантименты, скажу правду. Здесь я перебиваюсь разовыми театральными и телепостановками. Во Франкфурте мне дают театр. Правда, он полупрофессиональный, но если я подниму до соответствующего уровня, он будет зарегистрирован как профессиональный. Уже всё готово к отъезду. Так что, «плачьте ж, милые друзья, горькими слезами».

Присутствующие начали было бурно реагировать, но Рудик сделал упреждающий жест:

– Я позвал вас не только попрощаться. Дело в том, что я одинокий человек. Родители ушли на тот свет, не обеспечив меня братьями-сёстрами. Так вот оно, ключевое слово моей речи: дом. Я оставляю его вам.

– Как так?

– Шутить изволите?

– Кому именно оставляешь? – в один голос закричали гости.

– Всем вам. Дом и полгектара леса позади дома.

Нависла тишина, пронизанная токами неверия, восторга, изумления, насторожённости, тихой радости...

– Дарственная, заверенная нотариусом, уже готова. Нужно только вписать фамилии.

– Так не бывает! – воскликнул Лев! Это же для нотариуса подсудное дело!

– Бывает, мой друг, бывает. Весь вопрос в сумме.

– Не бывает, чтобы такой домище задарма отдавать! – покачала головой Марина. – Хотя мои мальчишки быстро бы его обжили.

– У меня нет другого выхода. Я не могу его продать. Мне определили жёсткие сроки вступления в должность. А просто бросить жалко.

– А как же мы его будем делить? – вдруг истерично взвизгнула Нелли.

– Дело ваше. Думаю, коллективный разум примет правильное решение. Поделите поровну.

Рудик сделал мхатовскую паузу. И добавил:

– Но есть одно условие.

Компания насторожилась.

– Жизнь меня научила: человек не ценит то, что получил даром. Больше того, оно не идёт ему на пользу.

– Известно – бесплатный сыр только в мышеловке, – изрёк Богдан.

– Вот именно, – услышал его Рудик. – Поэтому назначаю цену. Я спрятал дарственную в надёжное место.

Ищите красный конверт. Кто найдёт первым – тому солидная преференция. Поле деятельности – весь дом, включая чердак и подвал. Конверт я нарочно сделал из красной бумаги, чтобы легче было найти.

Новая волна изумления прокатилась по комнате.

Гости перешёптывались, переглядывались. Кто пожимал плечами, кто крутил пальцем у виска...

– Тут что-то не так, – Славик наклонился к Герде. – Только не пойму, в чём прикол.

– Ты не знаешь Рудика, – горячо зашептала Герда. – Он наша голова. Он не приколист. Проверено временем.

Славик только усмехнулся.

Мишаня, теребя бородку, с усмешкой заявил:

– Я в такие игры не играю. Отказываюсь от своего пая. Отказываюсь в пользу Марины.

Та благодарностью сжала его руку.

– Как это? – вскинулась Нелли. – Вкальвать будем поровну, а она получит два куска! Не пойдёт!

– Ну, как хотите, – в замешательстве протянул Мишаня.

Марина обвела взглядом всех присутствующих, ища поддержки. Но они молчали, отведя глаза.

Она выбежала и села на крыльце, уткнувшись головой в колени.

– Решайте, кто куда пойдёт, – Рудик явно стремился замазать неловкость, – а я займусь пашлыкком.

Нежнейшая свининка, с вечера томится в кефире. Обещаю обалденный хавчик!

Компания испытывала смущение. Однако из культурного слоя подсознания пробивался у цивилизованных людей первобытный инстинкт загребущей руки. Получить что-то на шару! Разве тут устоишь? Достаточно убедить себя, что просто участвуешь в какой-то лотерее, и принять её правила.

Славик потянул Герду в сторону, под пронизанный светом ясень:

– Уйдём, солнышко! Пошли на лиман, позагораем! Такая возможность побыть вдвоём! Зачем тебе эта подачка?

– Ты не понимаешь, Славичек, – взволновалась она. – Я давно мечтаю о домике в лесу. Или хочу хотя бы просто кусочек леса.

– Тебе он не достанется в любом случае!

– А вдруг повезёт? Ты же мне поможешь?

– Бред какой-то! Ну, вижу, тебя не отговорить. Надеюсь, конверт быстро найдётся под какой-то стрехой!

Махнув рукой, Славик покорился.

После прикидок, кто куда пойдёт, искатели двинулись к дому, но тут опять выскочила Нелли:

– А при чём здесь вы, Вячеслав, или как вас там звать? Мы вас видим в первый раз. Несправедливо будет, если вы получите пай наравне с нами. Мы же столько лет – как одна семья. А вы чужой.

Тот растерялся:

– Да я, собственно, не претендую. Я просто помогу Герде, как вы её называете.

– Нетушки! Вдвоём вы быстрее найдёте конверт. А надо по справедливости!

– Вы ведь тоже вдвоём! – усмехнулся Богдан.

– Но Лев – мой законный муж, а не любовник. К тому же, я год тоже ходила в студию.

– Что-то вас никто не заметил! – рассмеялся Мишаня.

– Я спорить не собираюсь, – смугилась Герда. – Славичек, подожди здесь. Помогите Руднику жарить пашлыкки.

У Славика вспыхнуло желание не медля убраться из этой милой компании. Но, может, удастся хоть вечер и завтрашний день провести с прекрасной девушкой!

Он досадливо поморщился, чмокнул её в щёчку и ушёл за ворота.

Компания направилась к дому. Вослед Мишаня, дурачась, пропел на манер частушки «Ах, не ходите, ежики, да ежики, в туман, нету там лошадок, там один обман!», за что получил от Рудика дружеский шёлбан. Издатель утонул в хромом парусиновом кресле, открыл ноутбук и вроде погрузился в чтение. Однако его намётанный глаз ухватывал все перипетии происходящего. Он с интересом ждал результата.

Лев и Нелли облюбовали мастерскую. Они уже заметили стеллаж высотой до потолка. На полках громоздились горы книг, папок с какими-то документами, стопки бумаг. Самое место спрятать конверт!

– Надеюсь, книги пролистывать не придётся, – проворчал Левушка. – Это уже был бы садизм.

– У меня идея! – жена вцепилась ему в плечо и с жаром затараторила. – Мы сделаем из дома мини-отель. А что? Несколько номеров, пансион. Место – лучше не бывает.

– Всю шкуру неубитого медведя хочешь? – Лев рассмеялся, хотя сама идея ему приглянулась. – А если клок шкуры достанется?

– Нет, Лёвушка! Мы его найдём! Должны найти! Поверь моей интуиции, конверт здесь.

Нелли сбросила отороченную мехом накидку, делавшую её похожей на летучую мышь, и брезгливо принялась обследовать завалы и стружек. Муж, почесав в затылке, приступил к разбору бумаг. Пару раз к ним заглядывал молчун Сергей, снимал с разных точек, даже на стеллаж залез. Нелли позировала как профессиональная модель.

Марина выбрала кухню. Это была её стихия. Средневековый замок, притворившийся буфетом, пугал обилием комнат-ящиков. Марина тщательно обыскивала каждый. А мысли её метались. Обида на друзей Степана приглушилась: конечно, все хотят, чтобы участников было меньше, тогда куш будет больше. Но всё-таки никто из них не бедствует. А какowo одной поднимать детей! Если ей что-то достанется, можно будет прикупить к собственной однушке ещё комнату, сделать детскую. «Пресвятая Богородица, – горячо молилась про себя женщина, – услышь меня, помоги мне первой найти конверт!».

Марина случайно заметила, что из створа дверей оператор снимает её – в подоткнутом сарафане, растрёпанную, среди завалов посуды.

– Нет уж, я хочу быть красивой, – запротестовала она.

Марина взбила кудельки, с улыбкой позволила запечатлеть себя, потом принесла кружку смородинового чая и поставила перед Сергеем. Тот быстро выпил чай и исчез.

Богдану, только вступившему под мрачные своды, вдруг послышался странный звук: то ли бетховенский органнй аккорд, то ли резкий всхлип своей гитары. А он верил в знаки свыше. Ему стало не по себе. Он даже попытался уговорить Рудика: «Брось ты эту хрень!», но тот похлопал приятеля по плечу и расхохотался. Он легко спрыгнул с крыльца и надолго застрял в сарае, отыскивая мангал.

В захламанном подвале, среди останков чьих-то жизней Богдан был, как в фамильном склепе. Каждая вещь, даже самая ничтожная, казалась памятником своей эпохи. Сколько же слоёв времени здесь осело! Богдан спотыкался о сундуки, набитые утварью, перелезал через завалы изъеденной жучком мебели и ржавые велосипеды, выпутывался из паучьих сетей. «Где этот чёртов конверт?». Неожиданно обнаружил дырявую кольчугу и детский меч. Примерил на себя и принял облик викинга.

А сверху за ним неотрывно следил глаз объектива...

Богдан чувствовал себя, как вор. Он не хотел этого! Просто действительно нужно помочь Марине. Он пройдёт весь путь и тогда будет вправе сделать ей подарок. А ему самому такого не надо. Как наладчик оборудования на телефонных станциях он зарабатывал на хлеб с маслом. Бардовские фестивали, уличные перформансы, где можно блеснуть артистизмом, привалы в горах... Больше ничего ему в жизни не нужно. «Стоп! Не ври самому себе! – укорил его внутренний голос. – Ничего, кроме Герды!». Заноза в сердце от нелепого расставания колола до сих пор. Вот и сейчас: в тревожную ноту, всё ещё звучащую в ушах Богдана, влился, как показалось ему, крик Герды. Как она там, на чердаке? Она ведь одна!

Бросив поиски, Богдан взлетел по шаткой лестнице на чердак.

Лес в раме слухового окна был точь-в-точь, как картина Шишкина. Само окно было необычно большим для чердака. Герда выглянула. Поодаль за деревьями прятался домишко. Именно о таком она и мечтала. Домик в лесу, где можно спрятаться, когда город опустылеет, когда под крик малюток в интернате проклинаешь день поступления в медучилище. И была бы живая тишина. И утром стояла бы на крыльце кринка молока и каравай ржаного хлеба. «Рудик мог дать мне какой-то знак, ведь когда-то он...», – подумала Герда и тут же упрекнула себя за эгоизм.

Герда любила чердаки. Начиталась, наверное, книг о сокровищах в сундуках. Этот чердак был светлый и чистый. Никаких укромных мест. Но сундук был! Расписной сундук – как толстая баба в цветастом сарафане. Сердце Герды сердце заколотилось от радостного предчувствия.

Крышка отошла на удивление легко. С неё спускался мохнатый паук-альпинист. Пахнуло затхлостью. Справа в необъятном чреве сундука высилась стопка узорчатых скатертей, спрессованных временем. Герда, морщась, перебрала их. В глубине стопки мелькнуло что-то красное. Неужели? Увы, нет. Две красные салфетки с монограммой «NS». Зато обнаружила она на самом дне искусно сплетённый из берёсты короб. Там при свете дня блеснул ворох цепочек, пряжек, мотков серебряных и золотых нитей. Герда вытащила из него длинную, даже не почерневшую цепочку. Решила примерить. Но та, как змея, чей покой нарушили, уколола её в горло. Не так уж больно, но неожиданно, и Герда вскрикнула. Она стала распутывать цепочку, но жало вонзалось всё глубже. Герде уже стало казаться, что цепь не отпустит её, и она застонала.

Вдруг чья-то тень склонилась над ней.

– Помоги, Славичек, – всхлинула она и тут поняла, что ошибочка вышла. – Богдан, ты с ума сошёл! Уходи!

А он распутал цепь и поцеловал ранку:

– Не уйду, пока ты не скажешь, из-за чего подала на развод. Я так и не понял. «Не сошлись характерами!» – это же смешно!

– Ах, оставь!

– Нет!

– Ну, тогда я скажу правду. Мне не нужна звезда перформансов. Я просто женщина, и мне нужно надёжное плечо. Я хочу хорошую квартиру, дачу, машину. Это что, слишком роскошно для меня? Извини за резкость, но не надо носить меня на руках. Я до ювелирного магазина и до бутика своим ходом дойду. Да, я такая! Я хочу выглядеть! Понял?

– Но ты же своего Славичку не любишь! Я это вижу, вижу! Я тоже правду скажу: ты вообще не умеешь любить. Тебе Снежную королеву играть!

И вдруг Богдан увидел, как исказилось любимое лицо.

– Что ты! – испугался он. – Я обидел тебя! Я сволочь!

Он нежно погладил её мягкие волосы.

В пылу спора они не заметили, что на лестницу выскочил, как чёрт из табакерки, оператор Сергей. Он зафиксировал момент и испарился.

На дворе тем временем каждый занимался своим делом. Рудик обихаживал пространство возле стола, соорудил длинную скамью из доски и двух табуреток, колдовал над мангалом. Он то и дело поглядывал на окна. Дом казался мёртвым. Трудно было предположить, что внутри кипят страсти.

Мишпаня читал с экрана текст, то хмыкая, то хмурясь, то вдруг выдавая вслух афоризмы – непонятно, свои или автора.

Славик ушёл на лиман. Солнце, к которому боялась приблизиться свинцовая туча на горизонте, посыпало на землю лавины ультрафиолета. Морская стихия подняла со дна застылой души топ-менеджера романтические бредни о яхтах под тугими парусами. Классно-то как! Он дельфином резвился в накатах волн, балансировал на осклизлом ракушечнике, делал стойку на руках, компенсируя тяготину офисных часов. Но радость вольности отравляло ощущение того, что его «лоханули». С ним рядом должна лежать девушка в бикини! А он сыпал бы золотые струйки песка на вздымающийся животик так волнующей его девушки! Она же променяла его на какой-то призрак.

Ощущение праздника улетучилось. В Славике закипала злость. Он почти бегом бросился во двор и сходу накинулся на Рудика:

– Ты мужик или не мужик? Доброе дело хочешь сделать? Так отдай дом и всё. А ты кость бросил и ждёшь, кто схватит!

– Отвали! – не повышая голоса, отреагировал хозяин. – Не твоё собачье дело!

– Ах так?! – вскипел Славик. – Надо ещё посмотреть, какую ты туфту замутил! Не верю я тебе, режиссёр!

– Зато все остальные поверили.

– Да чем примитивней обманка, тем сильнее в неё люди верят.

Славик напрягся и сжал кулаки, но вмешался Мишпаня:

– Джентльмены, возьмите себя в руки! Нет причин для баттла!

– Вот и я говорю, – сказал Рудик миролюбиво – Иди лучше кромсай огурцы и помидоры.

Так прошло больше трёх часов.

Наконец, Рудик сложил ладони рупором и провозгласил:

– Эй, братва, рабочий день окончен! До завтра! Прошу к столу! Шашлык уже умоляет, чтобы его съели.

Из дома высыпали смурные, утомлённые борьбой с препятствиями почти неодолимой силы искатели заветного конверта. Ясно было, что госпожа Удача не улыбнулась никому. Они, молча, принялись счищать с себя пыль веков. Женщины переоделись, ожили и похорошели.

Компания потянулась к столу, над которым витал многообещающий дух обжоры и пьяницы Бахуса. У Богдана заверещал айфон.

– Да, – ответил он. – Это важно? ОК, еду, пока электричка ходит!

Он обратился к друзьям:

– Труба зовёт! Покидаю вас. Надеюсь, вы меня учтёте при делёжке?

На этот раз возникла Марина:

– Ты тоже хочешь на шару? Нам ещё завтра муравьями ползать, а ты хочешь слинять!

Богдан опешил. Он ради Мариной доли ковырялся в старье, лодыжку вывихнул, а она туда же! Он взахлёб хохотал, уставившись на Марину, а все в недоумении уставились на него.

– Ладно, – пробормотал он, – Я пройду все крути ада!

А его внутренний голос добавил: «Но для себя!».

Вечеринка как-то не разгоралась. Мишпаня в роли тамады выдавал юморные тосты, сыпал хохмами: «Две заповеди для интеллигента: „Не ешьте курицу руками и не ругайте Мураками!“». Только после обильных возлияний языки развязались. В нестройный хор голосов то и врзались истеричные взвизги Нелли.

Богдан дошёл до нужной кондиции и настроил выдавшуюся виды гитару.

– Ну, – поморщился Мишпаня. – Сейчас бардовские динозавры затынут: «Милая моя, солнышко лесное!».

– А почему нет? – пискнула Марина.

– Или, – не послушал её Мишпаня, – с дрожью восторга грянут: «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!». Сентиментальный совковый вздор.

– Зато в точку! – со злой иронией бросил Славик.

Баритон Богдана подействовал колдовски. Все перестали жевать и присмирели.

Он не пел, он выговаривал:

*Расставались они,
и она говорила:
я тебя не люблю
и вообще не любила.
А ему уже было
ни горько, ни сладко,
он молчал, на часы
взгляд бросая украдкой.¹*

Последние строки Богдан бросил в темноту внезапно упавшей влажной ночи с отчаянной лихостью.

– Ну, – отрезал он, жёстко прервав вздох гитары, – пора баньшки.

И компания рассыпалась. Только Рудик и Серёжа уединились под навесом. Но ещё долго, видели они, в окнах мельтешили вспышки телефонных фонариков. Кто-то очень уж хотел выиграть гонку.

В полночь Рудик свернулся калачиком на топчане в мастерской. Сон навалился на него мгновенно. Однако кто-то потряс его за плечо. Рудик, ещё не выпроставший из вязкого сна, увидел близкое оплывшее лицо Льва. Оно было напряжённым, морщины сошлись над переносицей. Он заговорщицки прошепел:

– Слушай сюда. На кой дьявол ты играешь в доброхота? Разбазариваешь не тобой нажитое? Продай дом мне. Всю цену я не потяну, но половину могу. Разве тебе бабло не понадобится?

– Теперь ты слушай сюда. Самый умный, да? Из горла готов вырвать? У друзей!

– Я же тебе гешефт делаю!

– Свободен! Будем считать, разговора не было.

Столб лунного света выхватывал стоящего на коленях перед топчаном Лёвушки. Таким его и увидел глаз камеры вездесущего Серёжи.

Ослепительное утро с волнами запахов бриза и степного разнотравья, ультрамаринном сонных вод, пересвистом невидимых птиц будто растворило мрачное вчера. Народ взбодрился. Никто не вспоминал свои поиски. Всем казалось, что ситуация почему-то переменится к лучшему.

По окончании трапезы кто-то снова потянулся к дому, но Рудик попросил всех вернуться. Так же торжественно, как вчера, он сверкнул очками и заговорил:

– Господа, прошу выслушать меня, не перебивая. Вопросы потом, договорились? Итак, первое. Поиски прекращаются. Не потому, что я передумал. Просто красного конверта не существует. Я его придумал, равно как и то, что я уезжаю. Равно как и то, что я оставляю дом вам. Второе: поиски прекращаются, поскольку Серёжа профессионально поработал, и я имею превосходный видеоматериал для участия в международном конкурсе видео в жанре реалити-шоу. Я туго закрутил сюжет, добавив элементы квеста – интригу с поисками конверта.

Компания напряглась, но молчала. В воздухе повисло наэлектризованное облако.

– Третье, – продолжил Рудик. – В порядке компенсации я действительно предоставляю вам дом на всё лето. Привозите, кого хотите, живите, сколько хотите.

– А когда можно приехать? – Марина и вытерла вдруг брызнувшие слёзы.

– Да хоть завтра, – отмахнулся Рудик. – Теперь четвёртое. Я уверен, моя работа получит приз, и фильм пойдёт по мировой сети. Вы станете популярными. Я вам, можно сказать, пиар-сессию сделал.

– А ты спросил, хотим ли мы этого? – взорвался Богдан. – Согласие на съёмку спросил?

– Да, я спросил вас, не возражаете ли вы, что Серёжа будет снимать, и все промолчали, значит, согласились. Впрочем, кто хочет, пусть подаёт в суд. Дело будет долго мурьжить, припаяют мне штраф. Если хочешь, я тебе его сино минуту выплачу.

– Скотина! – крикнула дрожащая от негодования Нелли.

– Спокойно, мадам. Вы так охотно позировали! А в принципе, вы все просто несколько часов играли свои роли в предлагаемых обстоятельствах. А уж кто какую роль – дело совести. Ничего страшного. Вы мне ещё спасибо скажете.

– Подонок! – процедил сквозь зубы Славик. – О совести он вспомнил! Я знал, что это туфта!

Рудик недоумённо повёл плечами:

– Я думал, вы поймёте, как для меня важно выйти на международный уровень. Поймите меня, откиньте свои амбиции. Мы же друзья!

– Какой ты друг! Ты предатель! – выкрикнула Герда, до того сидевшая с каменным лицом. – Ты всё порушил!

Лев молчал. На щеках его выступали багровые нити сосудов.

А Мишаня изрёк неопределённое: «Если посмотреть с нужной стороны, то и в чёрном квадрате Малевича можно увидеть светлое будущее»...

Богдан спокойно встал со ступенек крыльца, подошёл к Рудику и двинул ему в челюсть. Тот упал навзничь, но на лету успел крикнуть:

– Серёжа, снимай! Убойный кадр!

Богдан, ни на кого не глядя, уже уходил со двора.

Все вдруг засуетились, побежали в дом за вещичками.

– Куда же вы, господа! – захохотал Рудик, резво вставая. – Впереди долгий счастливый день!

Господа рассаживалась по машинам. Они не смотрели друг на друга, осознавая, что участвовали в чём-то постыдном, и оно развело их навсегда.

Мишаня выехал первым. Метрах в сорока от дома он нагнал Богдана.

– Садись! Рюкзак в багажник закинем, – бодренько выкрикнул Мишаня, открывая дверцу.

– Не-а, – досадливо отмахнулся тот, поправляя свой нескладный груз. – Я на электричку!